

А. В. Кулев

Вологда

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОСМЕРТНОМ ПЕРЕХОДЕ НА «ТОТ СВЕТ»

(по материалам экспедиций в западный
регион Вологодской области)

Обнаружение идей, смыслов, представлений, лежащих в основе явлений традиционной культуры — одно из перспективных направлений современной науки. Раскрытие «плана содержания» культурной традиции позволяет не только прояснить ее внутреннюю организацию, но и уточнить условия жизнеустойчивости, характер и способы функционирования и трансмиссии культурных феноменов, закономерности их исторических и географических трансформаций.

Своего рода «семантическим ключом» к пониманию смысловой стороны многих традиционных форм культуры, обладающих ярко выраженными неутилитарными функциями, могут послужить народные представления о посмертном переходе человека «в мир иной». Однако, при наличии общей восточнославянской схемы¹, региональные варианты этих представлений, проливающие свет на особенности конкретных традиций, на сегодняшний день изучены крайне недостаточно.

Благодаря открытию экспедициями Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра Минкультуры РФ (рук. экспедиций А. М. Мехнецов) в западном регионе Вологодской области детально разработанной системы похоронно-поминальных обрядов², за последнее десятилетие различными учреждениями был сформирован представительный фонд описаний обряда, причитаний, отдельных высказываний исполнителей по данной теме³. Региональный принцип проведенных исследований и их комплексный характер представляют сегодня замечательную возможность многомерного рассмотрения похоронно-поминальных обрядов, в том числе и детализированного «прочтения» ритуальных «текстов».

В настоящей работе предпринята попытка выявления бытующей в западном регионе Вологодской области системы народных представлений о переходе умершего на «тот свет». Поскольку в рамках общей категории *rites de*

passages стержневым элементом обряда является «текст» умершего — субъекта перехода, а не только объекта погребальных ритуалов, как это принято считать, — первостепенной задачей является рассмотрение похоронно-поминальных обрядов с позиций этого, главного «действующего лица», которое лишь одной, отнюдь не основной своей стороной оказывается включенным в реальный мир, большей же своей частью пребывает в мире коллективных представлений народа.

СМЕРТЬ

Народному сознанию смерть представляется неким потусторонним существом, забирающим человека в «мир иной». Она может показаться кем-либо из умерших ранее ⁴ или появиться на перекрестке дорог в облике незнакомца ⁵. Нередко живые могут быть предупреждены о ее приходе, например, видением человека, которого ожидает смерть, идущим к кладбищу ⁶, появлением во сне св. Николая ⁷ и т. п.

Для человека традиционной культуры приход смерти не только естествен, но, более того, если смерть забирает «перезрелых» стариков или заведомо обреченных на несчастливую жизнь младенцев, он приветствуется, на что указывают следующие строки похоронного причитания:

Много ждуть тибя, смерть прикрасная,
Много ждуть жо да стары старёньцы,
Есть и малые малёхоньки,
Ждуть, пожалуйста, да смерть прикрасную,
(Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 091-09)

Укоры смерти звучат лишь в ситуации, когда человек умирает «не в пору, не во времечко»:

Бог судья те, смерть прикрасная,
Бог судья тибё, великая,
Ты зашла да, смерть прикрасная,
Мы не ждали и не думали,
Што ты придёшь, оберёшь...
(Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 091-10)

Попенять тибе да, смерть прикрасная,
Верно ты да, смерть прикрасная,
В чистом полюшке да заблудиласи,
С пути-дороженьки, ой, да посбйласи,
Да ты зашла да не в ту дороженьку...
... Дак ты взяла жо да, смерть прикрасная,
Ты не в пору да не во времечко,
(Кад., Сосновка ЧЦНТК: 091-09)

В любом случае около умирающего человека обычай запрещает плакать — считается, что плач может приостановить деятельность смерти и тем самым продлить мучительное расставание души с телом ⁸.

Интересно отметить тот факт, что выражения «смерть пришла», «смерть наступила» даже в поздней традиции, связанной уже с исполнением псалм или, как их здесь называют, «божественных стихов», вполне сохраняют свой буквальный смысл:

Смерть ужасна и прекрасна.
Про нас грешных человек
Она ходит днём и ночью
Неготовых застает...
... Она с косою за плечами
Ходит бодренно, не спит.
Она ходит примечает,
Как с раба мне снять глава.
(Чер., Ягница, КЦНТК: 069-32)

Качественные изменения, претерпеваемые человеком в результате прихода смерти, в народе обычно выражаются словом *переставился*, то есть 'переместился', 'перешел на другое место'; ср. значения, которые приводит для слов *преставить*, *переставить* В. И. Даль: 'перемещать', 'преобразовать, разрушая плотскую жизнь, даровать духовную', 'переселять в вечность', 'насылать смерть', 'перейти от временной жизни к вечности', 'отдать Богу душу', 'упокоиться', 'испустить дух, душу', 'покончиться', 'преобразиться' и т. п. ⁹

По народным представлениям, смерть отделяет душу от тела, высвобождает ее из телесной оболочки. Так, в причитании умершего спрашивают:

Дак ты скажи-ко, сонце красное,
Дак ты скажи-ко, братец миленькой,
Как душа с телом-то росставалася,
С белым светом да роспрошталася?
(Чер., Надпорожье, ЧЦНТК: 09-09)

Мотив освобождения души гимном звучит и в одной из самых распространенных в этой традиции поминальных псалм:

Вот уж настанёт мой праздни́к —
Послédней и первой мой пир.
Душа моя радостно взглянет
На здéшний покинутой мир.
(Чер., Ягница, КЦНТК: 069-30)

При жизни душа является своего рода внутренним двигателем тела — именно она побуждает тело к активности и управляет всеми его действиями. Поэтому, когда в поминальные дни причитаниями пытаются вызвать умершего из могилы, как правило, в первую очередь звучит формульная просьба «вложить в тело душеньку»:

Прилетите с неба, ангела,
Вы вложите в тело душеньку,
В бѣлы рученьки владыньцо,
Во уста да говорѣньцо.

(Баб., Санинская, ЧЦНТК: 105-34; то же: Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 091-05; Старостино, ЧЦНТК: 091-01; Тимохино, ЧЦНТК: 094-04 и др.)

Безвозвратный выход души из своегоместилища — смерть — приводит тело в состояние полного покоя. Соответственно, и термин *покойник* в полной мере можно отнести лишь к телу умершего¹⁰, но не к его душе, которая после отделения от тела отнюдь не утрачивает своей подвижности и «разумности».

Поскольку при жизни душа человека обычно ассоциируется с дыханием, то с наступлением смерти она, по словам информаторов, «*ветерком уходит*»¹¹. Сразу после своего выхода из тела душа омывается в поставленной у постели умирающего воде («*в водичке полощется*»¹²) — и улетает «на волю». Для того, чтобы обеспечить душе беспрепятственный выход, родственники умершего открывают в доме все двери и вслед за нею выходят на улицу — провожают: кланяются в сторону кладбища, а иногда и причитают¹³.

Эти первые символические проводы, как, впрочем, и все последующие, отнюдь не разрывают установившиеся при жизни связи души и тела. Смерть лишь перестраивает их отношения из внутренних (душа в теле) на внешние (душа рядом с телом); ср. в этой связи отмеченный выше термин *переставился*. Ее действие приводит к своего рода инверсии свойств и функциональных возможностей этих двух качественных противоположностей: душа получает возможность свободно «*гулять по воле*»¹⁴ и перестает изнутри управлять телом, тело же, как прежде душа, оказывается запертым в «темницу», и, возможно, оттуда распоряжается всеми дальнейшими передвижениями души.

Так или иначе, прикрепленность души к телу сохраняется; продолжительность времени последующих поминаний на могиле указывает на то, что душа вряд ли порывает с телом окончательно, по крайней мере, на протяжении жизни нескольких поколений, сохраняющих память об умершем. Причитания-обращения к умершему, которые начинаются сразу после обмывания и одевания в «смертную» одежду, дают основания полагать, что после очищения тела от прежнего, «жизненного» состояния обладающая разумом душа возвращается к своему материальному «собрату», а затем все три дня, пока покойник находится в своем доме, невидимо обретается где-то поблизости от него¹⁵.

НАКАЗЫ НА «ТОТ СВЕТ»

Постоянное пребывание родных и знакомых около покойника во время его нахождения в доме вполне может быть сопоставлено с известным обычаем посидеть перед предстоящей человеку дальней дорогой, что подтверждается и обязательной при первом посещении умершего причетной формулой:

Ты куда же так сдобылася,
Так красиво снарядилася?..
... Ты сдобылась в мать сыру землю,
В мать сыру землю далёкую,
Во могилушку глубокую.

(Кад., Сосновка, 091-13; 098-10)

Считается, что в период до погребения умерший все слышит и чувствует¹⁶. Поэтому женщины, которые приходят сидеть у покойника, причетами передают с ним на тот свет наказы и поклоны своим родственникам¹⁷.

Мотив наказов обычно начинается словами *«Ты мóжот встрйтишься-увидишься»*¹⁸, *«Мóжот ты да повстречáёшьси, можот ты да повидáёшьси»*¹⁹, *«Если будет там свиданьицо»*²⁰, *«Если встретишь мужа милово»*²¹ и т. п. Затем следует просьба передать родственникам приветы, поклоны, рассказать про жизнь оставшихся на этом свете. *«У ково чё наболело, то и скáзывает»*²²; *«Кáжной своё гóрё выклáдывает... Эсли [в]от тибé жить худо, дак ты гóрё и выклáдываёшь своё, матке прицитáёшь. А зть эсли тибé жить хорошо, так и прицитать нéчёво <...> Родителям своим жáляцы»*²³, — комментируют мотив наказов народные исполнители.

В причетных наказах вполне отчетливо выражаются представления о том, что все души идут в одно место, и на том свете умерший встретится с ушедшими ранее²⁴. Об этом свидетельствуют следующие, далеко не исчерпывающие всего имеющегося материала, примеры:

Да куда жо ты сподобылася?
Да куда жо да ты поехала?
Да всех-то ты нас бросила,
А теперь-то тибя там встретят.
(Уст., Расторопово, КЦНТК: 080-40)

Напишу я пйсьмо-грамоту
Не пером я, не чернилами,
Я своим да горячим слёзám,
Своему да ладе милому.
Ты сойдёшь да, сестра милая,
Ты сойдёшь да, красно солнышко,
Там со всем родным да ты увидишьши,
И со всем да повстричáёшьши,
И со моим да со милым ладом.
Попеняй-ко ладе милому,
Што оставил сиротиночку
Буди уточку с утятами,
И буди курицу с циплятами.
...Я ишшó да озабылася,
Я забывчива родылася,
Ты повстретишься-посвидишьси
Со моей родймой матушкой
Ты всёво да не рассказывай
Про мою да жись про горькую,
Ты нé да не росстраивай..

(Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 098-12)

А ты сестриця да моя милая,
 А ты сойдёшь да дорогу́линка,
 А ты на тот-то да свет на правенной,
 У тя бу́дёт да там свиданьицо
 А со своей-то да ведь свекровушкой,
 А с моей-то родимой мамонькой.
 А подойди-ко да к ёй радёхонько,
 А поговри-ко да с ёй ластёхонько.
 Она спросит, горю́ша бедная:
 — А ты откуда да с ко́ю сторону?
 А ты скажи-ко да ёй, Марусенька:
 — А уж как я-та да, сиротино́чка,
 Уж как области да Волого́дские,
 А района да я Каду́йсково,
 А сельсовета да буду Ма́зскова,
 А из деревни да Заэра́пской я,
 А уроженка да я Ки́товнина,
 А ведь жена-та да буду Фо́кина.
 А тут тибé-то да попризна́ёццы
 А моя-та да мила мамонька,
 Она ухватит обоим ру́ченькам,
 А што пришла-то иé невестушка.
 А ешшо бу́дёт она спрашвати:
 А как живёт-то да мила до́ченька?
 А расскажи ты да ёй, Марусенька,
 А как живу-то да как страдаю я...
 (Кад., Заэрап, ЧЦНТК, 091-20)

Зачастую встреча на «том свете» инициируется ранее умершими. Если недавно умершему человеку забыли что-либо положить в гроб или неправильно его одели, во сне он приходит к родственникам, предупреждает их о новом покойнике и просит переслать забытые вещи с ним²⁵. Конечно же, приветы и поклоны, переданные на «тот свет» вместе с «посылкой», безусловно доходят до адресата. А доверие к подобным снам укрепляет в народном сознании представление о том, что в потустороннем мире новопреставленный не только встретится со своими родными и близкими, но и за оказанную услугу будет благоклонно принят в их «сообщество».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ТОМ СВЕТЕ»

Наказы и передачи на «тот свет» отчасти проясняют народные воззрения на «место прибытия» умершего. Поскольку рассмотрение представлений о «том свете» не является специальной задачей работы, ограничимся лишь некоторыми замечаниями, необходимыми для рассмотрения перехода в мир умерших новопреставленного.

На том *«белом свете»*²⁶, как и здесь, *«печёт солнце красное»*²⁷. Жизнь там продолжается *«вечно и бесконечно»*²⁸. Новое жилище умершего — гроб — в том мире преобразуется в *«светлую светлицу»*²⁹. В потусторонней жиз-

ни умерший сохраняет все свои земные привычки и пристрастия, пользуется вещами, без которых он не мог обойтись при жизни. Поэтому в гроб ему, «если мужщина, дак и папирос пацецьку кладут, и спицёк коробок кладут»³⁰; могли положить с собой и вино, очки, костыли, бритву и т. п.³¹ Едят мертвые лишь то, что им поднесут живые, и нередко во снах являются к родственникам с упреками в неправильном подношении; так, например, в одном из рассказов умерший укоряет родственников за то, что на могилу они носят пряники, «а хлеба никто не принесет, — нам хочется хлеба»³².

В подавляющем большинстве случаев народное сознание вполне логично локализует «тот свет» в земле, куда опускается и где исчезает во время погребения тело³³. Эти представления находят свое выражение в устойчивых приčetных формулах, звучащих в самых различных обрядовых ситуациях:

Ты пошёл да, лада милая,
В мать сыру землю далёкую,
Во могилушку глубокую,
Там не летают вольни пташечки,
И добрым людям да не ўхожьё,
И вольним пташкам не ўлето.
(Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 098-13; то же: 091-09, 13)

Я спущу да свой жисён голос,
Широко да по Святой Руси,
Глубоко да во сыру землю.
Вы роздуйтесь, ветры буйные,
Вы роздуйте пески жёлтые...
(Кад., Алканово, ЧЦНТК: 099-12)

Припаду я, бедна сирота,
Што ко матушке сырой земле,
Ко тибё, моя родыма матушка.
(Уст., Ярцево, КЦНТК: 110-29)

Но в землю отправляется не только тело. Земля является и местом пребывания души, о чем свидетельствует, например, запрет на установление до 40-го дня (т. е. до окончательного ухода души на «тот свет» — см. ниже) надгробного креста³⁴, который, по народным верованиям, является для нее непреодолимым препятствием³⁵.

Замечания о том, что душа уходит на небо, являются единичными³⁶ и чаще всего связанными с влиянием церковной традиции. Но хотя такие представления внутренне и не присущи народному сознанию, в общую мифологическую систему они включаются без каких-либо серьезных противоречий. Даже уход души одновременно и в землю, и на небеса воспринимается в рамках этой системы как нечто вполне естественное:

А ты-то погляди-ко, мйлы детушки,
Как пошла да ваша матушка
Высоко да по поднёбесям,
Глубоко да в мать сыру землю.
(Чер., Чукша, ЧЦНТК: 012-25)

В причитаниях и в непосредственных высказываниях информаторов «тем светом» могут быть объявлены кладбище, лес, заречная и залесная сторона и т. п., — словом, все то, что находится за пределами пространства, освоенного социумом:

Закатилось да краснó солнышко,

Ой, за горы да за высокие,

Ой, как за риченьки за быстрые.

(Кад., Заэрап, ЧЦНТК: 100-16; то же: Уст., Ярцево,

КЦНТК: 110-22)

Закатилось краснó солнышко

За зарю да за глубокую,

Как за солнце за высокое.

(Кад., Заэрап, ЧЦНТК: 099-20)

Ой, мйлой ты сын ...

...Уехал в дальние края,

За тёмные леса.

(Кад., Старостино, ЧЦНТК: 138-17)

Во всех случаях «тот свет» — чужая дальняя сторона. Эта характеристика должна считаться универсальной (собственно и само выражение «чужая дальняя сторона», как правило, выступает синонимом понятия «тот свет»):

Ой, уйдет, родима мамонька,

Ой, на чужую-то, дальню сторону.

(Кад., Алеканово, ЧЦНТК: 099-14)

Уж как с той да дальнóй стóроны

Уж как пёшому нету выходу,

Уж как конному нету выезду,

Не напишет письма-грамотки,

Не пошлёт ли нам да весточки.

(Кад., Алеканово, ЧЦНТК: 099-01; то же: 099-14)

Я спущу печальным да голосом

Далеко в чужу сторонушку,

Я глубоко да в сыру земелюшку...

(Кад., Бережок, ЧЦНТК: 097-20, 21; ВФ21-14)

ПРОВОДЫ ПОКОЙНИКА

Если время, которое покойник пребывает в доме, можно интерпретировать как подготовку к дальней дороге, то началом пути — направленного движения на «вечное жительство» — является вынос гроба и проводы умершего.

В проводах и прощании с покойником также нетрудно усмотреть аналогии с тем, что происходит при отбытии в дальнюю дорогу живого человека. В соответствии со своей родовой близостью к уходящему, провожающие проща-

ются с ним либо около дома, либо у определенной отметки, маркирующей границу между «своим» и «чужим» пространством: камня, колодца, дерева, изгороди, перекрестка дорог, реки и т. п. Только ближайшие родственники провожают покойника до могилы — крайнего предела реального пространства. Далее начинается пространство мифологическое, которое, в силу своих качественно иных свойств, является недоступным для живых. Для живых на «тот свет» *«ни дороженьки, ни пути нету»*³⁷, — замечают исполнители.

При всем своем формальном сходстве с отправлением в путь живого человека, проводы умершего имеют одну принципиальную особенность, позволяющую их резко разграничить. Наряду с почтительным отношением к покойному и горем по поводу его ухода из жизни³⁸, погребальные ритуалы включают в себя целый ряд действий апотропеического характера.

Еще когда покойник находится в доме, для того, чтобы он никого *«не выглядел»*, завешивается зеркало³⁹, а чтобы *«за собой не вел других»*, не открываются окна, с пола убираются половики, и сам пол ни в коем случае не моется и не подметается⁴⁰. Напротив, после выноса гроба в доме и в сенях моют в сторону дверей пол — считается, что *«это вымывает покойника»*⁴¹, а для того, чтобы душа смогла покинуть жилище, открывают окно или печную заслонку⁴².

При выносе гроба традиция предписывает опрокинуть стол, скамейки, стулья, лавки — таким образом душа как бы сгоняется с насиженного места. Тогда же, или же чаще по приходу с кладбища, в подполье, в печную трубу, иногда на матицу хозяева кричат: *«Ух! Был, да и нету!»*⁴³.

После погребения родственники обходят вокруг могилы, приговаривая при этом: *«Я домой, а ты ни ногой»*⁴⁴ или *«Зарыто-забыто»*⁴⁵, перепрягают лошадь, на которой везли гроб, выметают все с телеги или саней и «перекубыривают» их. В противном случае огромная тяжесть оставшейся там души не позволит лошади сдвинуть их с места⁴⁶.

В некоторых случаях даже положение покойника в могилу, наряду с самой ориентацией могилы, могла быть осмыслены с точки зрения направленности на мир живых: по некоторым сведениям, чтобы покойник не ходил домой, его старались положить головой в сторону деревни, то есть лицом от деревни⁴⁷.

Необходимость совершения этих действий народ формулирует кратко и емко: *«чтобы лиха не оставить»*⁴⁸. Если их не исполнить, *«бес надевает на себя тело человека»*⁴⁹, и «нечистая сила» начинает ходить в облике (теле) умершего к живым.

Как свидетельствуют многочисленные былички, если такого «умершего» не отвадить специальными обрядами, встречи с ним неизбежно повлекут за собой гибель — и материальную, и духовную — тоскующих родственников⁵⁰.

Погребение завершает направленное движение на «тот свет» умершего в его материальной ипостаси и смещает смысловой акцент на душу, которая с этого момента становится и основным объектом ритуальных действий.

После погребения тела душа еще 40 дней возвращается в мир живых и активно с ним взаимодействует. По народному мнению, в этот период она вправе свободно ходить по земле, с чем связан, как уже отмечалось выше, запрет на установку до 40-го дня надгробного креста.

Следует сказать, что после погребения тела образ души, как, впрочем, и само отношение к ней, претерпевают в народном сознании существенные изменения. Душа еще может ассоциироваться с ветерком или, точнее, с «вихорем»⁵¹, но нередко показывается и в обличье умершего человека⁵². Тем самым она еще на некоторое время удерживает в памяти родственников образ умершего, но уже не как реальный, а, скорее, как идеальный образ-представление: *«Бываёт, што приходит [душа]. Вот грехов нету, дак бываёт, што опустят [с того света]. Можот показáнци. Например, муж, дак жонé можот показáнци, можот деткам показалсы, што: ой, папа прошёл! А никто нигде не оказалси. Боя́нци [этого] не надо, не тронут. Не надо боя́нци. Перекрестись и иди куды хошь»*⁵³.

Однако «проявленность» души все же пугает живых, поэтому для них предпочтительнее ее невидимость⁵⁴, и по просьбе родственников или по предварительной, еще прижизненной договоренности с ними умерший сообщает о своем присутствии лишь легко легко интерпретируемыми знаками: хлопаньем дверью, раскатыванием поленницы, опрокидыванием скамейки, разбиванием окна и т. п.⁵⁵

В течение всего 40-дневного периода душа постоянно возвращается в бывшее жилище умершего — «свой дом», откуда ее, по сути дела, выдворили при погребении тела. Теперь, когда изветшавшая и непригодная для жизни телесная оболочка оказалась за пределами этого мира, и душа не может ее принудить к каким-либо вредоносным по отношению к нему действиям, самой ей разрешается еще на некоторое время продлить здесь свое пребывание, более того, оно приветствуется.

Уже сразу после погребения душу приглашают пойти на поминки, а для того, чтобы она нашла дорогу домой, еще во время похоронной процессии «वेशьтсы» еловыми веточками («лапками») дорога⁵⁶. Почти повсеместно в день смерти на угол дома или иногда на икону вывешивается кусочек белого полотна с нашитым на него крестиком — платик, полотенечко⁵⁷, который остается там до 40-го дня. Предполагается, что приходящая домой душа утирает этим платиком слезы⁵⁸ или даже скрывается за ним⁵⁹. На весь 40-дневный период в доме не запирается дверь⁶⁰, остается незанятой постель умершего⁶¹, не раздаётся и не делится его одежда⁶². Обязательным является и оставление на весь установленный срок в святом углу еды для умершего; обычно это стакан с водой или рюмка водки, а также хлеб или специальная поминальная выпечка — «опёканики» и яичный блин.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют со всей определенностью ответить на вопрос, как в народе понимается необходимость пребывания души в этом мире ⁶³. В аспекте символизма переходных обрядов можно лишь предположить, что совмещение потустороннего и посюстороннего существований помогает душе преодолеть драму разрыва связей с привычным окружением — постепенно избавиться от прежних, жизненных привязанностей и, как будет показано ниже, с помощью оставшихся на этом свете родственников утвердиться в мире умерших.

Есть все основания полагать, что 40-дневное «хождение» души имеет и общие смысловые корни с посмертным воскресением и 40-дневным пребыванием на земле Иисуса Христа, отраженным в праздниках пасхального цикла. Так, например, длительность календарных периодов от Пасхи (Воскресения Христова) до Вознесенья (40-й день от Пасхи) и от Вознесенья до Троицы (50-й день от Пасхи и 10-й — от Вознесенья) соответствует народным представлениям о продолжительности этапов вхождения умершего в «цярство небесное»: *«„Помяни, Господи, новопреставленново усопшую душу раба божьего [имярек]. Упокой его, Господи, со святыми“, — вот это до сорока дней. И в сороковой день утром иишо эту поминают. Ну, значит, а ковдѣ вот в двинадцатом часу, ковдѣ вот за стол посадишь, дак: „Помяни, Господи, — тут уж вот, — раба божьего... Помяни, Господи, раба божьего Александра. Создай ему, Господи, цярство небесное, светлой ему рай“. Это до десяти дней; десять дней, што: „Создай ему, Господи...“ Иишо чевѣ ему создадут? А после десяти дней уже поминаешь, што: „Помяни, Господи, раба божьего Александра. Цярство ему небесное, светлой ему рай“»* ⁶⁴.

Вряд ли можно сомневаться в том, что соответствие представлений о возвращении души наиболее значимому христианскому мифу является одним из действенных способов утверждения в сознании социума ведущей человеческой идеи о существовании мира высшей по отношению к земной реальности.

ПРИГЛАШЕНИЕ «РОДИТЕЛЕЙ»

При том, что все 40 дней душа может свободно возвращаться в мир живых, в прямой контакт с нею родственники вступают только в строго регламентированные традицией поминальные («урошные») дни — 3-й (т. е. сразу после погребения), 9, 20 и 40-й.

Для души эти дни, точнее их кануны, считаются «праздниками» ⁶⁵. Безусловно, это представление было бы немыслимо, если бы не опиралось на набор доминантных смыслов и функций праздника, в первую очередь, размыкания границы между двумя субстанционально различными мирами и со-бытия их «населников», необходимого для подтверждения родственных отношений и обмена ценностями.

В кануны урочных дней через еще незатянутый временем пролом между мирами, чувственно оформленный могилой, душа приводит в гости с «того света» всю свою *«природушку великую»*⁶⁶. С вечера для душеньек топится баня, в доме накрывается стол, за который живые не имеют права сесть до самого утра⁶⁷: *«Душеньки в углу сидят»*⁶⁸, *«Мы сидим за одним столом, а они за другим»*⁶⁹.

Организованная живыми трапеза для «родителей», по всей вероятности, и является «платой» за то, чтобы умершие признали родственность ново-прибывшей души и приняли ее в свое сообщество. Не случайно приглашение их на «праздничек» возлагается на душу новопреставленного⁷⁰:

Ты зови родню сердечную.

(Кад., Зазрап, ЧЦНТК: 091-22, 23; Пугино,
ЧЦНТК: 141-19)

Созови, родима мамонька,

Ты свою родню кровавую.

(Кад., Алеканово, ЧЦНТК: 099-12)

Ты зови-ко, лада милая,

Всю родню, да всю природушку.

(Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 091-06)

Ты пойдём-ко с нами да ладо милоё,

Ты на свой-то великий праздникёк,

Ты зови-ко всех да милых родничков,

Да мы всего-то наготовили.

(Баб., Смородинка ЧЦНТК: 124-28)

На нематериальную по своей природе душу не распространяется действие земных законов пространства. Поэтому, собирая родственников, она может мгновенно преодолевать любые расстояния, на что недвусмысленно указывают следующие слова причитаний:

Собери родню кровавую

По всему да свету белому.

(Кад., Коротневая, ЧЦНТК: 094-13)

А ты пойдём-то да, дорогулинка,

А ты на свой-то да день урошненький,

А ты зови-то родню сердечную,

А ты и тятеньку, и мамоньку,

Ты милых сестёр любезенькиф,

А соколóв-то да братцёв мильенькиф,

А ишó сходи-то, сестра любезная,

А где там шли-то бои кровавые,

А розыщи-ко да, дорогулинка,

А своево ты да брата милово,

А дорогово да Огафонушку,

А позови-ко да в дорогй гости.

А вы пойдёмте да все, пожа́луста,

А в дорогй гостей ведь к Аннушке,
Да на иё-то да на урёшной день.
(Кал., Заэрап, ЧЦНТК, 091-23; то же: 091-22)

Приведенные примеры показывают, что умершие родители могут приходить к живым только ведомые душой новопреставленного, которой пока еще известна дорога в этот мир. Но после отправления всех полагающихся ритуалов и для нее обратный путь будет закрыт:

Ой да, ты прощай-ко да, ладо милое,
Ой да, на веки-то ты да на векушие,
Ой да, заростёт-то к нам путь(и)-дороженька.
(Баб., Смородинка, ЧЦНТК: 124-26)

Пропадёт да путь-дороженька
Частым ельничком да и березничком
Да суковатыми да и горбатыми.
(Баб., Ципелово, ЧЦНТК: 126-36)

Заростёт тропиночка
Да зелёною да травкою.
(Баб., Никоново, ЧЦНТК: 029-56)

«Заращение» дороги нередко связано с представлениями о том, что в 40-й день, при «последнем росставаньице», душа выпивает из находящейся в земле Забыть-реки «забытной воды» и после этого забывает свою «родину»⁷¹:

Я прошу, родима матушка,
Ты не ходи да на Забыть-реку,
Ты не пей да забытной воды,
Уж как пойдешь ты на Забыть-реку,
Да ты напьёшься забытной воды,
Ты забудёшь путь-дороженьку,
Во своей да благодатной дом,
Ко своей да дочке миленькой,
Ко своим да милым детушкам,
Ко своим да ко внучатушкам.
(Кал., Алканово, ЧЦНТК: 093-15; то же: 099-10)

Исполнители предполагают, что *«может каждая река — Забыть»*⁷², и, провожая душу в 40-й день, отпускают в реку поминальный платик⁷³, который висел до этого на углу дома: считается, что вслед за уплывающим на Забыть-реку платиком безвозвратно уйдет в мир усопших и душа⁷⁴.

В ситуации приглашения душ умерших на «урошные» дни предельно отчетливо выражена и неоднократно возникающая в похоронно-поминальных ритуалах идея границы. Так, душу кличут вечером — *«на вечерней зоре»*, *«на закате солнышка»*⁷⁵. Призывают ее из дома, приговаривая или причитая в окно, либо выходят к огороду, за деревню, как правило, на перекресток дорог и т. п.

Пространственное и временное местоположение зовущего дублируется в тексте причитания, что многократно усиливает саму идею границы:

Я повыйду жо да, сиротиночка,
На широкую да я на улочку,
На розъезжую да путь-дороженьку,
Поспушшѹ я свой жисѣн голѣс,
По зоре я да по вечѣровой,
По закату да красна солнышка,
По выкату да светла мѣсеца:
Будь ты, зоренька, да роззывчива,
Будь роззывчива да будь рознослива,
Рознеси-ко ты мой жисѣн голѣс
Высоко ты да на поднѣбеси
Широко ты по Святой Руси,
Глубоко жо ты в мать сырѹ землѹ,
В мать сыру жо землѹ далѣкую,
Во могилушку да во глубокую,
Я прошу тебя, родѣма матушка,
Я прошу тебя на урѣшный день помѣношной
На смирѣную бисѣдушку.

(Кад., Сосновка, ЧЦНТК, 091-15; то же при призывании
в баню: ЧЦНТК: 098-04)

Характерно, что зов, направленный в далекий «тот мир», по замечанию исполнителей, должен звучать так, чтобы *«гулы шли»*⁷⁶. Только при выполнении этого условия оттуда приходит ответ, проговариваемый, впрочем, самим призывающим:

Во сырѣм борѹ отѹкнуласи,
В чистом полюшке отѣйкнулось:
— Я иду да, дочька милая,
Я иду да, красна солнышко,
И на урѣшной-то день помѣношной,
На смирѣную бисѣдушку.

(Кад., Сосновка, ЧЦНТК, 091-16)

Отпускает души умерших на «праздники» мифический и, по всей видимости, никак не персонифицированный «хозяин»⁷⁷ или Царь земляной и Царица земляная⁷⁸. Вероятно, при приглашении души именно к нему обращены следующие слова причитания:

Што на день-от на севѣднишной,
Што на час да на топѣрешной,
Отпусти да в дороги гости,
В дороги гости сердешные.

(Чер., Надпорожье, ЧЦНТК: 009-49)

Казалось бы, свободные «хождения» души по земле отрицают саму ситуацию перехода на «тот свет» как направленного движения из одной точки в другую. Но это не так. Путь души имеет качественно иные характеристики, чем путь реального существа в реальном пространстве.

Особенностью передвижений души является то, что пространственное и временное измерения, составляющие в реальном движении единое целое, для нее выступают как независимые друг от друга категории. Относительно нашего, чувственного мира путь души пролегает во времени и только во времени. Свидетельством тому, помимо ее мгновенных перемещений в мире физической реальности, является измерение самого пути количеством прошедших со дня смерти дней и его разметка с помощью поминальных дней — «праздников»; ср. праздник в его функции «мерила времени»⁷⁹. Душа, открепившись от нашего трехмерного пространства, сбросив с себя его «оковы», уже независимо движется по «четвертому измерению», с каждым шагом приближаясь к миру высшей реальности, осмысляемому как Вечность или, в народной формулировке, «века векущие»: *«Ты уходишь (вар., улетаешь) на века да на векущие»*⁸⁰.

Вероятно, в силу непостижимости человеческим сознанием движения во времени, в народной традиции путь души фактически не обсуждается, а сама дорога обрисовывается крайне скупо. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, единственным свидетельством, описывающим дорогу умершего в виде лестницы, является привнесенная в традицию в начале XX в. и в настоящее время получившая широкое распространение псалма «Здесь духовная беседа»⁸¹, которая исполнялась на 40-й день:

Расскажи, душа живая,
Где денёчки провела?
— Уж вы, сроднички родные,
Не часочку не спала,
На поклон к Богу ходила,
Все я лёсэнки прошла.
На одной ступеньке страшной
Так страшилась грешная...

Впрочем, по народным представлениям, и для самой души дорога между мирами не вполне отчетлива. Она освещается лишь слабым светом свечки, на которую дают деньги приходящие сидеть к покойнику⁸², и которая горит в доме все 40 дней⁸³.

Пожалуй, единственное, что известно доподлинно, это то, что в 40-й день душа попадает к Богу на *«второй на суд на праведной»*, где ей определяется окончательное место⁸⁴; ср. приведенный выше рассказ о различиях в поминании до 40-го, после 40-го и после 50-го дней. Поэтому при последних провах ей говорят: *«Иди с Богом на своё местечко, котóрое ты уготовил»* или *«Иди уж на своё мéстечко, што ты заслужил, то и получишь»*⁸⁵. Иногда душу просят:

На втором на суду на праведном
Помоли ты да Бóгу-Господу,
Ой, за меня ты, за горящую.
(Кад., Алеканово, ЧЦНТК: 099-14; то же: 099-11)

* * *

Таким образом, по народным представлениям, погребение умершего отнюдь не является конечной точкой его перехода на «тот свет». Как свидетельствуют имеющиеся материалы, это лишь рубеж, за которым, собственно, и начинается удивительное по сложности и поэтичности своей разработки его странствие «на вечное жительство».

Вне всякого сомнения, представления о переходе умершего на «тот свет» вписаны в более общую мифо-ритуальную систему традиции и в подавляющем своем большинстве манифестируются не только в обрядах похоронно-поминального комплекса, но структурно и содержательно соответствующих им свадебном, рекрутском, родильном, целом ряде календарных и т. п. обрядов. Вероятно, сопоставительный анализ похоронно-поминальных обрядов с другими явлениями и формами традиционной культуры даст возможность более подробно обрисовать и путь души в потустороннем мире ⁸⁶, а также позволит выявить внутреннюю структуру данной традиции, обеспечивающую жизнестойкость, многовековое функционирование и развитие ее форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: *Седакова О. А.* Пространственный код погребального обряда // Структура текста — 81: Тез. симпози. М., 1981; *она же*: Обрядовая терминология и структура текста: (Погребальный обряд восточных и южных славян). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983; Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. Тез. докл. М., 1985; Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 101—119. Из ранних работ см.: *Афанасьев А. Н.* Заметки о загробной жизни по славянским представлениям // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1861. Кн. 3. Отд. 6. С. 3—26; *Беньковский И.* Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям и верованию народа // Киевская старина. 1896. № 9; *Елеонская Е. Н.* Представление «того света» в русской народной сказке // ЭО. 1913. № 3—4. С. 50—59 и др.

² Некоторые результаты экспедиций представлены в докладах: *Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.* Особенности обрядовой системы и фольклора северо-западного региона Вологодской области // Информационно-практическая конференция по проблемам традиционной народной культуры Северо-Западного региона России. Тез.

докл. и сообщений. Вологда, 1993. С. 19–27; *Мехнецов А. М.* Похоронно-поминальная обрядность на Северо-Западе России // Православие и культура этноса. Международный науч. симпозиум. 9–13 окт. 2000 г. Тез. докладов. М., 2000. С. 114.

³ Исследования, начатые в регионе СПбГК и ФЭЦ, были продолжены Череповецким и Кадуйским центрами народной традиционной культуры (рук. экспед. А. В. Кулев), а с 1999 г. — Вологодским областным научно-методическим центром культуры (рук. экспед. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина). Экспедиции проводились с 1990 по 2001 гг. на территориях Бабаевского, Кадуйского, Устюженского, Череповецкого районов. Результаты одной из последних экспедиций представлены в сб.: Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда, 2000. Материалы экспедиций 2000–2001 гг. в Устюженский р-н готовятся к публикации.

⁴ *Баб.*, Слотинская, ЧЦНТК: 111-08. Список сокращений географических названий см. в конце сборника.

⁵ *Кад.*, Маза, ЧЦНТК: 101-02.

⁶ *Кад.*, Кузьминка, ЧЦНТК: 095-10.

⁷ *Чер.*, Текарь, ЧЦНТК: 015-41.

⁸ *Баб.*, Торопово, ЧЦНТК: 106-15.

⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. В 4-х томах. Т. III. П–Р. СПб.; М., 1914. С. 1032.

¹⁰ После отправления всех полагающихся похоронно-поминальных ритуалов термин *покойник* употребляется только в отношении к так называемым «*ходящим покойникам*»; ср. абсурдность такого словосочетания.

¹¹ *Чер.*, Текарь, ЧЦНТК: 15-39.

¹² *Баб.*, Никольское, ЧЦНТК: 118-07; *Чер.*, Глинское, КЦНТК: 066-46; Пленишник, КЦНТК: 072-14.

¹³ *Кад.*, Тимохино, ЧЦНТК: 093-05; *Чер.*, Пленишник, КЦНТК: 072-14, 18; Ягница, КЦНТК: 074-12. Причитания сразу после смерти являют скорее исключением из правила, так как обычно причитания начинают только после обмывания.

¹⁴ *Баб.*, Смородинка, ЧЦНТК: 124-29; *Чер.*, Верховье, ЧЦНТК: 148-23.

¹⁵ Об архаичности этих представлений можно судить по одному из текстов «Авесты» (Яшт, 22), где по смерти человека душа три ночи восседает около его головы (Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. СПб., 1997. С. 408–412).

¹⁶ *Баб.*, Никольское, ЧЦНТК: 118-07; Смородинка, ЧЦНТК: 124-29; Торопово, ЧЦНТК: 115-06; *Уст.*, Залесье, КЦНТК: 109-22.

¹⁷ *Баб.*, Ключово, ЧЦНТК: 124-18; Никоново, ЧЦНТК: 029-58; *Кад.*, Занино, ЧЦНТК: 070-32; *Чер.*, З. Чуди, КЦНТК: 071-12; Пленишник, КЦНТК: 072-14; Плосково, КЦНТК: 074-07; Ягница, КЦНТК: 074-12.

¹⁸ *Чер.*, Чукша, ЧЦНТК: 012-22, 23.

¹⁹ *Кад.*, Бережок, ЧЦНТК: 097-22, 24.

²⁰ *Кад.*, Заяцкая, ЧЦНТК: 158-28.

²¹ *Кад.*, Коротневая, ЧЦНТК: 094-13.

²² *Кад.*, Заяцкая, ЧЦНТК: 158-28.

²³ *Баб.*, Ключово, ЧЦНТК: 107-08.

²⁴ *Баб.*, Слотинская, ЧЦНТК: 112-04. Ср. представления о том, что «все свои в одном кругу лежат — друг возле друга» (*Чер.*, Фролово, ЧЦНТК: 040-12).

²⁵ *Баб.*, Борисово, ЧЦНТК: 028-02; Пожарище, ЧЦНТК: 122-14; Санинская, ЧЦНТК: 118-15; *Кад.*, Борок, ЧЦНТК: 141-02, 04; Ларионовская, ЧЦНТК: 150-09; Пугино, ЧЦНТК: 141-21, 142-06; *Чер.*, Глинское, КЦНТК, 066-68; 3. Чуди, КЦНТК, 071-12; Ягница, КЦНТК, 074-13.

²⁶ *Баб.*, Стёпаново, ЧЦНТК: 119-33.

²⁷ *Кад.*, Заэрап, ЧЦНТК: 099-19.

²⁸ *Кад.*, Барановская, ЧЦНТК: 097-17.

²⁹ *Кад.*, Заэрап, ЧЦНТК: 099-19, 21. На этой территории встречаются и рудименты оформления могилы в виде «дома», т. е. настилания в ней «пола» и укладывания над гробом на специальных столбиках «потолка» (*Уст.*, Б. Восное, КЦНТК: 116-26).

³⁰ *Кад.*, Бережок, ЧЦНТК, 097-23.

³¹ *Баб.*, Борисово, ЧЦНТК: 028-02; Пожарище, ЧЦНТК: 122-14; *Уст.*, Волосово, КЦНТК: 084-03.

³² *Уст.*, Никифорово, КЦНТК: 079-17.

³³ Ср.: «Тело — земля» (*Кад.*, Тимохино, ЧЦНТК: 094-04).

³⁴ *Баб.*, Тешемля, 114-18; *Кад.*, Пугино, ЧЦНТК: 142-06; *Уст.*, Волосово, КЦНТК: 084-05.

³⁵ *Баб.*, Торопово, ЧЦНТК: 106-15; 108-21. Самому покойнику, т. е. телу, путь в мир живых закрывается подобным образом во время погребения, когда взятой из церкви землей на теле высыплют крест (*Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; Никольское, ЧЦНТК: 118-07; *Уст.*, Ярцево, КЦНТК: 110-25).

³⁶ *Баб.*, Санинская, ЧЦНТК: 105-34; *Кад.*, Сосновка, ЧЦНТК: 091-05; Тимохино, ЧЦНТК: 094-04; Шоборово, ЧЦНТК: 091-29. Считается также, что на небеса уплывает по реке поминальный платик, который вывешивается до 40-го дня на углу дома умершего (*Чер.*, Высоково, ЧЦНТК: 069-07). В большинстве случаев локализация «того света» на небесах связана с непосредственным влиянием церковной традиции.

³⁷ *Уст.*: Кормовесово, КЦНТК: 088-51.

³⁸ По нашим наблюдениям, сочувствие и жалость оказываются направленными не в адрес покойника, а тех, кого он покинул. Исключением является, пожалуй, только непредвиденная смерть в молодом возрасте.

³⁹ *Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; Санинская, ЧЦНТК: 118-15; Слотинская, ЧЦНТК: 111-08; 113-08; *Кад.*, Горка, ЧЦНТК: 080-07; 132-05; *Кад.* Борок, ЧЦНТК: 143-07; Маза, ЧЦНТК: 153-06; Порог, ЧЦНТК: 152-14; Пугино, ЧЦНТК: 142-06; Селище, ЧЦНТК: 142-08; Семеновская, ЧЦНТК: 154-11; Хохлово, ЧЦНТК: 139-05; *Чер.*, Акинхово, ЧЦНТК: 144-08; Глинское, КЦНТК, 066-67; Ягница, КЦНТК: 064-03.

⁴⁰ *Баб.*, Санинская, ЧЦНТК: 118-15; Слотинская, ЧЦНТК: 111-08; *Кад.*, *Кад.* Борок, ЧЦНТК: 143-07; *Чер.*, Пленишник, КЦНТК: 072-18.

⁴¹ *Чер.*, Пленишник, КЦНТК: 073-01.

⁴² *Баб.*, Смородинка, ЧЦНТК: 124-29.

⁴³ Этот же приговор или различные его варианты: *Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; Никольское, ЧЦНТК: 118-07; Санинская, ЧЦНТК: 118-15; Слотинская, ЧЦНТК: 111-08, 12; Смородинка, ЧЦНТК: 124-29; Тешемля, ЧЦНТК: 114-16; *Кад.*, Горка, ЧЦНТК: 080-07; Заручевье, ЧЦНТК: 154-01; Заэрап, ЧЦНТК: 091-20; Кад. Борок, ЧЦНТК: 143-07; Коротневая, ЧЦНТК: 088-17; Ларионовская, ЧЦНТК: 097-09, 150-09; Маза, ЧЦНТК: 153-06; Семеновская, ЧЦНТК: 154-11; Сосновка, ЧЦНТК: 091-12; Тарасовская, ЧЦНТК: 087-05; Хохлово, ЧЦНТК: 139-05; *Уст.*, Волосово, КЦНТК: 083-42; Даниловское, КЦНТК: 089-10; Тимофеевское, ОНМЦК: 004-22.

⁴⁴ *Баб.*, Санинская, ЧЦНТК: 118-15.

⁴⁵ *Чер.*, Воскресенское, ЧЦНТК, 002-67.

⁴⁶ *Чер.*, З. Чуди, КЦНТК, 071-11; Пленишник, КЦНТК, 072-18; Ягница, КЦНТК, 074-14. В быличках рассказывается о том, что после предложения умершим подвезти их на поминки лошадь или сам предложивший человек идут с большим трудом, ибо на них «едет» умерший (*Кад.*, Тарасовская, ЧЦНТК: 079-23; Чурово, ЧЦНТК: 062-06). Кроме того, считается, что если лошадь покойника везет тяжело, на нем «*черти сидят*» (*Чер.*, Пленишник, КЦНТК: 072-18, 073-01).

⁴⁷ *Чер.*, Акиньхово, ЧЦНТК: 149-04.

⁴⁸ *Кад.*, Ивачево, ЧЦНТК: 146-01.

⁴⁹ *Чер.*, Текарь, ЧЦНТК: 015-24, 25; те же представления: *Баб.*, Пожарище, ЧЦНТК: 122-14; *Кад.*, Сосновка, ЧЦНТК: 103-14.

⁵⁰ *Кад.*, Пугино, ЧЦНТК: 141-21; 142-06; *Чер.*, Текарь, ЧЦНТК: 015-26, 41; 045-14. Из последних работ, специально посвященных теме «ходячих покойников», см.: *Байбурин А. К.* Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 96—115; *Толстая С. М.* Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 151—205.

⁵¹ Душа «*вихорем летит*» (*Чер.*, Текарь, ЧЦНТК: 045-20).

⁵² *Баб.*, Тешемля, ЧЦНТК: 114-16; *Кад.*, Починок, ЧЦНТК: 144-06; Савельевская, ЧЦНТК: 092-01; Шоборово, ЧЦНТК: 091-29; Чурово, ЧЦНТК: 062-06. Легче других видят душу в облике умершего маленькие дети, о чем свидетельствует множество рассказов; напр.: *Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; *Кад.*, Починок, ЧЦНТК: 144-06; *Чер.*, Глинское, КЦНТК, 066-47; Пленишник, КЦНТК, 072-17.

⁵³ *Кад.*, Бережок, ЧЦНТК: 097-25. В народе четко различаются «нечистая сила», надевшая на себя обличье (тело) человека, и его душа, и всегда особо подчеркивается, что в это время ходит душа или умерший, а не человек и не покойник (*Баб.*, Ключово, ЧЦНТК: 123-17; *Кад.*, Ивачево, ЧЦНТК: 145-13).

⁵⁴ *Кад.*, Ивачево, ЧЦНТК: 145-13; Тарасовская, ЧЦНТК: 079-23; Шоборово, ЧЦНТК: 091-29.

⁵⁵ *Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; Слотинская, ЧЦНТК: 111-08; *Кад.*, Савельевская, ЧЦНТК: 092-01; *Чер.*, Пленишник, КЦНТК, 072-15; Текарь, ЧЦНТК: 015-36.

⁵⁶ *Баб.*, Александровская, ЧЦНТК: 116-19; Никольское, ЧЦНТК: 118-07; Санинская, ЧЦНТК: 118-15; *Кад.*, Кад. Борок, ЧЦНТК: 143-07; Маза, ЧЦНТК: 153-06; Порог, ЧЦНТК: 152-14; Семеновская, ЧЦНТК: 154-11; *Уст.*, Никола, КЦНТК: 086-31.

В данном случае вполне уместна аналогия между еловыми «лапками» и трехпальными следами птиц, повсеместно ассоциирующихся с душами умерших.

Кроме того, чтобы умерший «не заблудился», на кладбище и с кладбища стараются ходить той же дорогой, по которой его везли (*Кад.*, Кад. Борок, ЧЦНТК: 143-07; Кузьминка., ЧЦНТК: 157-19; *Чер.*, Горка, ЧЦНТК: 054-02; Надпорожье, ЧЦНТК: 09-15).

⁵⁷ Иногда это могло быть полотенце, которым обтирали покойника (*Кад.*, Тарасовская, ЧЦНТК: 087-05).

⁵⁸ *Кад.*, Борок, ЧЦНТК: 141-02; Кад. Борок, ЧЦНТК: 143-07; *Чер.*, М. Углы, ЧЦНТК: 039-40; Текарь, ЧЦНТК: 044-17; Фролово, ЧЦНТК: 008-64.

⁵⁹ *Кад.*, Починок, ЧЦНТК: 144-06.

⁶⁰ *Кад.*, Коротневая, ЧЦНТК: 094-13.

⁶¹ *Баб.*, Смородинка, ЧЦНТК: 124-29; Тешемля, ЧЦНТК: 114-16; *Кад.*, Борок, ЧЦНТК: 141-02; Кад. Борок, ЧЦНТК: 143-07; Селище, ЧЦНТК: 142-08.

⁶² *Уст.*, Расторопово, ЧЦНТК: 080-47. В некоторых случаях одежду даже вывешивают на улице, объясняя это тем, что умерший будет видеть, что его ждут (*Баб.*, Новосерково, ЧЦНТК: 028-46; *Кад.*, Кузьминка, ЧЦНТК: 157-03).

⁶³ Лишь в одном случае информатор объясняет, что за 40-дневный период душа должна облететь все места, где человек бывал при жизни (*Кад.*, Бережок, ЧЦНТК: 097-25). Как косвенное подтверждение этому объяснению можно рассматривать текст причитания — приглашения умершего вечером перед урочными днями в баню:

Приходи да, лада милая,
Про тебя байна́ истоплена,
Да про тебя байна́ сготовлена,
Принагрета ключевá вода.
Как за это по́ра-времечко,
У тебя да, лада милая,
Тело белое замара́лоси,
Цветно́ платье запы́лilosи.

(*Кад.*, Сосновка, ЧЦНТК: 098-04; то же: Тимохино, ЧЦНТК: 094-04)

⁶⁴ *Чер.*, Надпорожье, ЧЦНТК: 09-11.

⁶⁵ *Кад.*, Пугино, ЧЦНТК: 142-03; *Чер.*, М. Углы, ЧЦНТК: 039-40. Ср. известное понимание праздника как своеобразного пролома во времени; см.: *Серов С. Я.* Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 47.

⁶⁶ *Кад.*, Аксентьевская, ЧЦНТК: 092-08; Бережок, ЧЦНТК: 097-23; Коротневая, ЧЦНТК: 094-13; Кузьминка, ЧЦНТК: 157-19; Сосновка, ЧЦНТК: 098-05; Старостино, ЧЦНТК: 093-11. Иногда представление о том, что душам разрешается посещение мира живых, может уточняться: «Если грехов нет, дак душу видатьсья на землю отпускают» (*Кад.*, Бережок, ЧЦНТК: 097-25).

⁶⁷ *Баб.*, Слотинская, ЧЦНТК: 111-08, 113-08; *Кад.*, Бережок, ЧЦНТК: 097-23; Коротневая, ЧЦНТК: 094-13; Кузьминка, ЧЦНТК: 095-10, 157-19; Старостино, ЧЦНТК: 093-11, 152-21.

⁶⁸ Баб., Ципелово, ЧЦНТК: 126-46.

⁶⁹ Кад., Савельевская, ЧЦНТК: 092-01.

⁷⁰ С исчезновением причетной традиции приглашать «родителей» могли словами: *«Приходите, пожалуйста, на последний праздничок»* (Уст., Расторопово, КЦНТК: 080-41).

⁷¹ Кад., Заэрап, ЧЦНТК: 100-03, 12; Шоборово, ЧЦНТК: 091-29; Чер., Верховье, ЧЦНТК: 017-52. Ср. с мифической рекой забвения древних греков – Летой.

⁷² Кад., Шоборово, ЧЦНТК: 091-29.

⁷³ Кад., Кузьминка, ЧЦНТК: 095-06; Пугино, ЧЦНТК: 141-13; Тарасовская, ЧЦНТК: 087-05; Чер., Высоково, ЧЦНТК: 069-07; Горка, ЧЦНТК: 048-10; Козохта, ЧЦНТК: 051-05, 052-01; М. Углы, ЧЦНТК: 039-40; Текарь, ЧЦНТК: 044-17; Фролово, ЧЦНТК: 008-64. Наряду с отправлением по реке, платик могли сжигать, а также отдавать нищим или первому, кто войдет в дом после того, как проводят душу (Кад., Починок, ЧЦНТК: 144-06; Чурово, ЧЦНТК: 062-06).

⁷⁴ Чер., Верховье: ЧЦНТК: 017-11. Если кладбище находится за рекой, считается, что душа попадает на «тот свет», преодолевая эту естественную границу (Кад., Сосновка, ЧЦНТК: 076-21).

⁷⁵ Баб., Никольское, ЧЦНТК: 104-38. Ср. также середину дня как время входа на «тот свет»; напр., считается, что душу надо успеть проводить до 2-х часов пополудни, в противном случае ее не пустят на «тот свет» (Уст., Расторопово, КЦНТК: 080-43, 47).

⁷⁶ Баб., Ключово, ЧЦНТК: 123-02.

⁷⁷ Кад., Коротневая, ЧЦНТК: 094-13; Шоборово, ЧЦНТК: 091-29. В большей степени представления о «хозяине» реализуются в выкупе места для покойника – бросании в могилу, перед тем, как опустить туда гроб, медных денег (Баб., Никольское, ЧЦНТК: 118-07; Никоново, ЧЦНТК: 031-06; Санинская, ЧЦНТК: 118-15; Слотинская, ЧЦНТК: 111-12, 113-08; Смородинка, ЧЦНТК: 124-29; Тимохино, ЧЦНТК: 106-10; Тешемля, ЧЦНТК: 114-19; Кад., Борок, ЧЦНТК: 141-04; В. Двор, ЧЦНТК: 153-19; Горка, ЧЦНТК: 080-07, 132-05; Коротневая, ЧЦНТК: 088-17, 094-13; Ларионовская, ЧЦНТК: 150-09; Маза, ЧЦНТК: 153-06; Починок, ЧЦНТК: 144-06; Пугино, ЧЦНТК: 142-06; Семеновская, ЧЦНТК: 154-11; Уст., Расторопово, КЦНТК: 080-41; Чер., Горка, ЧЦНТК: 052-27). Потусторонность «хозяина» подчеркивается тем, что деньги кидают не голой рукой, а либо через платочек, либо через заднее полотнище одежды (Кад., Маза, ЧЦНТК: 153-06).

Можно предположить, что «хозяин» ассоциируется с самой Матерью сырой землей, на что указывает, например, мотив обращения к земле при выкупе места:

Уж ты, матушка сыра́ земля,
Ты прими моего милого дитя,
Не прижми его жёлтым песком,
Не облей да ключевой водой.

(Кад., В. Двор, ЧЦНТК: 153-16; вар.: Баб., Ярцево, ЧЦНТК: 127-07; Кад., Заэрап, ЧЦНТК: 099-22; Чер., Надпорожье, ЧЦНТК: 009-46, 48)

⁷⁸ Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. Особенности обрядовой системы и фольклора... С. 21.

⁷⁹ Серов С. Я. Календарный праздник... С. 53.

⁸⁰ Баб., Никольское, ЧЦНТК: 102-15; Торопово, ЧЦНТК: 108-19, 115-01.

⁸¹ Чер., З. Чуди, КЦНТК: 070-40, 071-01; Н-Раменьё, 072-01; Пленишник, КЦНТК: 075-11, Плосково, КЦНТК: 076-18; Ягница, КЦНТК: 067-01, 39; 070-06.

⁸² Уст. Кузьминское, КЦНТК: 083-09.

⁸³ Чер., Текарь, ЧЦНТК: 044-17.

⁸⁴ Чер., Верховье, ЧЦНТК: 148-23. По другим, крайне смутным представлениям, до появления следующего покойника душа умершего еще не лежит, а *«стоит в каких-то воротах»* (Уст., Тимофеевское, ОНМЦК: 004-21).

⁸⁵ Чер., Пленишник, КЦНТК: 072-16; Плосково, КЦНТК: 074-09, 076-44.

⁸⁶ Помимо собственно обрядов, важным источником для реконструкции перехода на «тот свет» является волшебная сказка, в основе композиции которой, как показал в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» (1946) В. Я. Пропп, лежит странствие героя в тридешатое царство, сопоставимое с загробным миром.

